

Тени, которые мы носим в себе

Марк смотрел на спящую Лену. Её лицо, обычно озарённое какой-то внутренней улыбкой, даже когда губы не шевелятся, сейчас было искажено неприятной гримасой. Она тихо стонала, её пальцы сжали край одеяла. Ему снова стало невыносимо стыдно.

«Странно, — думал он, — когда ты сходишь с ума, у меня появляется чувство вины».

Он понимал её. Как мог. Потому что его ночи тоже были не сахар. Но его кошмары были тихими, леденящими. Ей снились погони, падения, крики. Ему снилось, что время остановилось. Что за окном навсегда застыл ноябрьский слякотный рассвет, и солнце больше никогда не взойдет. Он не говорил ей об этом вслух. Просто повторял про себя строчки, родившиеся в одной из таких бессонных ночей: *«Снится, что мне не дожить до весны. Снится, что вовсе весна умерла.»*

Она проснулась с резким вздохом, села на кровати.

— Опять? — тихо спросил Марк, касаясь её плеча.

Она кивнула, не глядя на него. В глазах стоял тот самый страх, который оставляет невидимые, но такие прочные следы.

— Это просто сон, Лена. Страх — это просто иллюзия, — пробормотал он, пытаясь убедить больше себя, чем её.

— Нет, — прошептала она. — Не иллюзия. Он живой. Он здесь. — Она прижала ладонь к груди.

Они завтракали в гнетущем молчании. Он разбил кружку, неловко задев её локтем. Собрав осколки, порезал палец.

— Всё нормально, — буркнул он, заворачивая палец в бумажное полотенце. Кровь пропускала сквозь бумагу. Я разбиваю руки в кровь. Я не сошёл с ума — так получилось...

— Мне кажется, нам лучше вернуться домой, — неожиданно сказала Лена, глядя в окно на залитый тусклым светом пейзаж их неудавшегося отпуска в горах.

— Домой? Мы только приехали.

— И лучше не видеться несколько дней, — продолжила она, и её голос звучал отстранённо, как будто она зачитывала свою придуманную заготовку.

Марк почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Что ты говоришь? Мы же вместе.

— Я не знаю, Марк. Ты стал другим. Я стала другой. Мы ходим по кругу и топчем то, что осталось. — Голос её дрогнул. — Зачем испытывать мою любовь? Её и так почти не стало, Марк.

Он не смог найти слов. Он видел её боль, но его собственная душа была похожа на заминированное поле. Одно неловкое движение — и взрыв.

«Мне нужно избавиться от страха, чтобы стать ближе к ней. Но, чтобы не взрывалась моя голова.»

Он вышел, хлопнув дверью. Прошёл по промозглой улице, не чувствуя холода от злобной досады. Зашёл в маленькое кафе на окраине посёлка. Там, за стойкой, улыбалась девушка с тёплыми карими глазами. Они разговорились. О погоде. О книгах. О чём-то простом и не имеющем отношения к его жизни и Лениной жизни. Разговор с незнакомкой был лёгким. Никаких обязательств, никакого груза общих воспоминаний, никакой вины.

Через два часа он возвращался в домик.

— Уходил с мыслью об одной — возвращаюсь с мыслью о другой, — ехидно прошипел внутренний голос. «Другой» была лишь призрачная надежда на то, что можно всё начать с чистого листа, с незнакомым человеком. Но, подходя к крыльцу дома, он понял: он несёт эту «другую» в себе силой.

Лена сидела на ступеньках порога, кутаясь в свитер Марка.

— Я думала, ты уже не вернёшься, — сказала она без упрёка.

— Я думал… мне нужно расстаться с тобою скорей, — выдохнул он, садясь рядом.

— Почему?

— Потому что я начал ненавидеть тебя за твои страхи. За то, что ты напоминаешь мне о моих.

Я думал, что ненависть — это просто слова. Но она оказалась тяжелее. За то, что ты сама гонишь меня.

Он впервые сказал это вслух. Признался не только ей, но и себе. И в этот момент что-то щёлкнуло. Страх, ненависть, вина — они не исчезли.

Молодые не помирились мгновенно. Не было объятий и слёз счастья. Но они просидели на деревянных ступеньках ещё час, разговаривая. Не о снах, а о том, что было до них. О первой встрече. О смешном случае в парке. О том, как вместе сажали вишню у её бабушки в деревне, которая, кстати, превратилась в красивый куст.

Молодые вспоминали весну. Ту, что была настоящей, а не умершей в кошмарах. И Марк вдруг понял: чтобы дожить до весны, нужно мерзкую пережить зиму. Всю, до последнего морозного дня. Вместе. Не пытаясь убежать в чужое кафе или в объятия незнакомого человека.

Они вернулись в городскую квартиру не на следующий день, а через неделю, как и планировали. Но эти дни стали другими. Лена и Марк не старались избегать тишины. Они просто были в ней. Иногда брались за руки. Иногда Лена просыпалась ночью, и Марк не говорил: «Это просто сон». Он говорил: «Я здесь». И этого было достаточно, чтобы страх межличностных отношений отступил на шаг.

Любовь не вернулась в одночасье в прежнем, лёгком и воздушном, обличье. Она проросла заново, медленно, сквозь толщу льда страхов и обид. Более зрелая. Более прочная. Несмотря ни на что.

Жить в семье — это сложно.

Материалы с сайта Мегаказ <https://megaskaz.ru/>